

Глава 46. Взвешивание палочек

Подоспевший Дамблдор спас Магическую Британию от разглашения секретов Тайной комнаты и ее обитателя... Ну или, по крайней мере, не всю Магическую Британию, а столь существенную ее часть, как Рональд Биллиус «Косяк» Уизли.

— Рита, — грозно прищурился он, — Гарри пора на церемонию проверки палочек!

— Пора — значит пора, — вздохнула Рита, убирая Прытко-пишущее перо в сумочку из крокодиловой кожи. Но ее серые глаза только что не светились, намекая, что наше с ней общение еще далеко не окончено.

В классе, где собрали Чемпионов и судейскую коллегию, я уселся справа от Седрика Диггори. С другой стороны от него сидел Крам, злобно смотревший прямо перед собой, и только за ним располагалась Флер Делакур. Все сидели спокойно... но носившиеся в воздухе эмоции намекали на то, что Крама только что снова отшили. Как я подозреваю — второй раз в жизни. По крайней мере с тех пор, когда он стал звездой квиддича.

— Позвольте представить вам мистера Олливандера, — обратился к Чемпионам Дамблдор, заняв место за столом судей. — Он проверит ваши палочки, дабы убедиться в их готовности к турнирным сражениям.

— Мадемуазель Делакур, начнем с вас, если не возражаете. — Мастер Олливандер вышел на середину класса.

Логично. Слева направо, в порядке живой очереди.

Флер поднялась со своего места, и двинулась к Мастеру. Двигалась она изящно, но ничто в ее походке не намекало на знакомство с боевыми искусствами. Фигурка ее выглядела вполне прилично. Не «д2с», но и не гипертрофированные стенобитные орудия, которые с моей точки зрения были бы скорее минусом. Легкие светлые волосы, казалось, вовсе незнакомые с расческой и лаком, и сами по себе улегшиеся в простую, но изящную прическу, заставили Риту злобно сощуриться. Уж журналистка на свою голову вылила никак не меньше флакона лака. Форма Флер была пошита на заказ, подчеркивая каждое движение, не скрывая ничего важного, но при этом — дающая большое поле для воображения. В общем, в вейле не было ничего особенного... для того, кто способен преодолеть окружающую ее ауру соблазна, свойственную многим порождениям Той-что-Жаждет. Впрочем, до Сейлины, истинной демонессы Дворца Наслаждений ей было далековато. Но, тем не менее, большинство присутствовавших мужчин непроизвольно проследили за ее перемещением, а некоторые, вроде Крауча-старшего, сглотнули слюну.

Седрик устался себе под ноги, и от его лица вполне можно было прикуривать. Похоже, он успел дать волю воображению, и теперь отчаянно стыдился этого. Глаза Крама приобрели отчетливо-маслянистое выражение... впрочем, понять это я смог только задействовав эмпатию, так как взгляда от Флер он не отрывал.

Олливандер принял палочку Делакур, «случайно» коснувшись ее пальчиков. Впрочем, прикосновение отнюдь не было вейле неприятно, и она поощрительно улыбнулась. Однако Мастер палочек оказался из крепкого теста. Усилием воли он сумел вернуться к своим непосредственным обязанностям.

— Двадцать сантиметров, не гнется, розовое дерево, — он что-то пробормотал и охнул. — Всеотец Мерлин! — мелькнувший в моей руке шарик серо заметил разве что одобительно

кивнувший мне Дамблдор. Даже проповедник Постоянной Бдительности ничего не заметил. Впрочем, смотрел «Грозный глаз» в другую сторону, заставив меня непроизвольно погадать, является ли одежда — «препятствием, через которое видит волшебный глаз». Надо будет попросить у мелкой Малкавиан соответствующий случаю химерический конструкт для одежды Миа. Или самому соорудить? Нет, пожалуй. А то Миа опять кровью отпаивать придется. Лучше Луна пусть займется. А я для нее Серебра не пожалею. — Содержит...

— Волос с головы вейлы, моей гран-маман, — продолжила прерванную Мастером фразу Флер.

Интересно, откуда Олливандер знает, что палочки с волосом вейлы получаются слишком темпераментными? Если «никогда не использовал их»?

С поклоном вручив вейле (а они, как и некоторые другие фейри никогда не бывают «пол-», «четверть-» и так далее: либо вейла, либо нет) букет орхидей, Олливандер вернул палочку, и присутствующие в зале мужчины снова сопровождали ее взглядами.

Следующим вышел Крам. Он был озлоблен на весь мир, и прямо-таки фонил этой злобой.

— Хм-м. Ежели не ошибаюсь, творение Грегоровича? — Олливандер внимательно осмотрел протянутую ему палочку. — Прекрасный мастер, хотя стиль не совсем тот, какой... Ну, это ладно...

Стиль — стилем, но Мастер, создавший эту палочку — явно вложил в нее душу. И сейчас палочка отражала настроение своего владельца. Тестовое «авис» она исполнила с громким хлопком. Создавалось впечатление, что палочка скорее хотела, чтобы ее опробовали Непростительным. Правда, каким именно и на ком — понять было сложно. Взгляд Крама метался между мной и мадмуазель Делакур, так что я пордовался, что Миа здесь не присутствует.

— Как это: «не присутствую»? — возмутилась Ученая, которой, как всегда, было любопытно.

— Он тебя не видит — значит, тебя нет, — ответил я.

— Однако! — прокомментировала собеседница. — С сомнением зверушка!

Пока мы обсуждали недостатки Крама, очередь взвешивания палочки дошла до Седрика.

История ощипывания жеребца единорога мне была не слишком интересна. А вот тестовое заклятье заставило обратить на себя внимание. Хотя... Для дымовой завесы оно все равно не подходило: дым получился слишком редкий и прозрачный. Но, в принципе, наверное его можно и доработать. Надо будет посоветоваться с Флитвиком.

— Отлично, — сказал Олливандер, возвращая Седрику его палочку. — Кто у нас еще остался?.. Поттер!

Я вышел, доставая из кармана Силь. Палочка пребывала в немногим лучшем настроении, чем крамовская. Ей не нравилось ехать в кармане, а не в удобных кольцах на ножнах Кай, не нравилось всеобщее внимание. Кажется, если бы она уже научилась говорить — она громко процитировала бы капитана Александра Смоллета: «И вообще: мне ВСЕ не нравится!»

Олливандер протянул было руку за Сильверсонга... и отдернул ее.

— Мистер Поттер, — посерьезнел он, и посмотрел на меня своими серебряными глазами.

Сейчас в нем не было ничего от того придурковатого, но веселого старичка, которого он изображал только что, и каким представлялся покупателям в своей мастерской. — Где Вы ухитрились встретиться с Хаосом?

— Попал под взгляд Великого Змея, — потупился я. — И потом... когда искали Тайную комнату...

— Мастер Олливандер, — грозно приподнялся со своего места Дамблдор, — боюсь, у нас сейчас нет достаточно времени, чтобы обсуждать жизнь и приключения Мальчика-который-Выжил. Нам следует закончить с обследованием палочек и отпустить детей обедать!

Глаза Риты уже не просто «горели» — они полыхали нестерпимым светом. Интересно, у нее получится пробраться в школу помимо внимания директора? Или будет ловить Чемпионов в Хогсмите? И что по этому поводу предпримет Дамблдор?

— Боюсь, я не смогу проверить палочку мистера Поттер, — вздохнул Олливандер. — Его палочка настолько привязалась к нему, что уже не потерпит чужой руки. И я не хочу проверять, что у нее припасено на случай попытки заставить ее повиноваться насильно.

— Мастер Олливандер, — бросил от судейского стола Крауч, — Ваша ненаучная теория давным-давно уже опровергнута самой передовой магической наукой и исследованиями лучших в мире британских ученых.

— Опровергнута? — выверился Олливандер. — Тогда что же эти самые «лучшие в мире британские ученые» палочек не делают? А то трудновато уже мне одному обеспечивать палочками все новые и новые поколения учеников Хогвартса. А они только труды вумные пишут! Но можно быть вумным, как вутка, но плавать, как вутюг! Хотя... — Мастер усмехнулся. — Если хотите, — опровергните меня не на словах, а на деле. Подойдите, возьмите палочку мистера Поттера, и попытайтесь ей что-нибудь наколдовать. А я посмеюсь.

— Я здесь не для того, чтобы колдовать всякие детские заклинания ученическими палочками! — гордо отказался глава Департамента международного магического сотрудничества.

— Вот и отлично, — согласился Олливандер. — А меня пригласили сюда именно в качестве эксперта по палочкам, а не сидеть за столом с важным видом и мешать занятым людям работать. Так что занимайтесь, пожалуйста, своим, вне всякого сомнения, важным делом, и не мешайте мне делать мое. Мистер Поттер, — повернулся Мастер ко мне, не обращая внимания на реакцию Крауча, — продемонстрируйте, пожалуйста, состояние Вашей спутницы.

— Агуаменти!

К счастью, занятия с Флитвиком научили меня правильно дозировать Силу. Так что я без труда вырезал струей воды на подсвеченном только мне Анной Гриффиндор камне красивую монограмму Н&Н — «Гарри-и-Гермиона».